

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Л. ГУКАСЯН

ЗНАЧЕНИЕ ЗАКАВКАЗСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

В изучении истории Азербайджана раннего средневековья и истории азербайджанского языка дописьменного периода большую роль играют закавказские письменные источники V—XIII веков, сохранившие свидетельства существования между закавказскими народами древних этнолингвистических и историко-культурных связей, носивших регулярный характер, распространявшихся на все сферы жизни и получивших отражение и в их языках. В закавказских письменных источниках зафиксированы слова, слово- и формообразующие элементы тюркских языков (особенно азербайджанского и турецкого), а также представленные в Закавказье тюркские этнонимы, антропонимы и топонимы.

Тюркизмы в закавказских письменных источниках в зависимости от времени заимствования имеют свои специфические особенности, обусловленные рядом исторических факторов. Звуковой состав азербайджанского, армянского и грузинского языков неодинаков: в азербайджанском всегда было девять гласных, а в грузинском, например, пять. Узкие гласные *ä*, *ö*, *ü* и иррациональный *y* в фонологической системе грузинского языка всегда противопоставлялись нулю. Поэтому четкая дифференциация коррелирующих гласных переднего, среднего и заднего ряда, присущая азербайджанскому языку, не свойственна системе гласных грузинского языка: *ä* в грузинском замещается *a* и *e* (см.: *pävä* > *pava* 'внук', 'внучка', *däli* > *deli* 'безумный', 'храбрый'); *y* > *i*, *a* (*qurx* > *qirx* 'сорок', *qaru* > *qari* 'дверь'); *ö* > *o*, *e* (*göz* > *goz* 'глаз', *böjük* > *beuk* 'большой', *ördäk* > *ordak* 'утка'); а *ü* > *u* (*üzük* > *uzuk* 'кольцо', *kügä* > *kuga* 'икра').

Что касается согласных, то здесь наблюдается еще более сложный процесс замещения: *j* в грузинском языке в начале и середине слов почти не употребляется, а в некоторых случаях (особенно перед гласным) замещается *i* (*jağa* > *iğağa* 'рана', *Jakov* > *Iakov* 'Яков', *juva* > *iua* 'гнездо'); звонкий смычный *q* > абруптивным *q* (*qurqu* > *qirqi* 'ястреб', *aşuq* > *aşuqi* 'ашуг, певец-импровизатор'); *k* > *q* (*köjnäk* > *qoınaq* 'сорочка', *dimdik* > *dimdiq* 'клюв'); *f* > *p* (*fystuq* > *pustuq* 'граб', *fikir* > *pikir* 'дума, мысль'); *d* > *t* (*dolma* > *tolma* 'голубцы', *dodaq* > *totaq* 'губа', *dam* > *tam* 'дом, чердак'); наблюдается также: *ç* > *çç*, *z* > *ž*, *j* > *v* и т. д.

Для выявления и изучения тюркизмов (*resp.* азербайджанизмов) в грузинских источниках необходимо проследить и за теми изменениями, которые происходили в самом грузинском алфавите. Общеизвестно, что в V—X веках грузинский алфавит включал 37 букв, а в XI веке был добавлен еще знак для обозначения глухого придыхательного согласного *q* и гласного *u*, который фактически заменил знак для *w* (то есть с того

времени слитное сочетание знаков $o + \omega$ обозначало звук u). В начале XVIII века грузинский алфавит состоял уже из 40 букв, затем буквы, фактически не отражавшие звуки грузинского языка, были исключены, и к 60-м годам XIX века грузинский алфавит насчитывал 33 буквы, в том числе — 5 для обозначения гласных и 28 — для согласных фонем. Все эти изменения в грузинской палеографии, естественно, отразились и на написании тюркизмов (*resp.* азербайджанизмов) в грузинских источниках.

Сказанное всецело относится и к тюркизмам (*resp.* азербайджанизмам) армянских письменных источников: в V—XI веках для обозначения 37 фонем армянского языка в алфавите было 36 букв (ложный дифтонг u в тот период, как и в грузинском языке, обозначался комбинацией знаков $o + \omega$). В X—XII веках дифтонг au древнеармянского языка, монофтонгизируясь, превратился в закрытом слог в простой губной гласный o , для обозначения которого в XII веке в алфавит был введен дополнительный знак i , кроме того, включен знак f для передачи спиранта f в заимствованных словах. Однако написание слов с f носило чисто формальный характер, ибо армяне заменяли в произношении f на p (см. $fajton > pajton$ 'фаэтон', $Afrika > Arjika$ 'Африка' и т. д.). К тому же до X века буква η обозначала латеральный сонант второго ряда l ($\dagger$), который, в связи с усилением заднеязычной артикуляции в X—XI веках, превратился в заднеязычный звонкий фрикативный γ ¹. Поэтому в XIII веке в армянском алфавите было уже 39 букв, из которых 8 обозначали гласные, 30 — согласные и 1 дифтонг u (ev).

Узкие гласные $\ddot{a}$, $\ddot{o}$, $\ddot{u}$ и в армянском языке противопоставлялись нулю, ибо $\ddot{a}$ во всех позициях слов замещается гласными a , e ($s\ddot{a}p > sap$ 'ты', $d\ddot{a}rman > darman/terman$ 'лекарство', $t\ddot{u}t\ddot{a}k > tutaq$ 'свирель, дудка'); $\ddot{o} > o$, а в начале и середине слов o и eo (ср.: $\ddot{o}z > eoz$ 'свой', $g\ddot{o}l > geol$ 'озеро', $g\ddot{o}t\ddot{u}r > gotur$ 'взять, брать'). По мнению Р. А. Ачаряна, Э. Г. Туманян и других арменистов, в армянском языке эквивалентом азербайджанского $\ddot{u}$ был дифтонг $i\omega/iu$, зафиксированный в классическом грабаре². Подобная точка зрения требует внесения некоторых корректив, так как указанный дифтонг не всегда соответствовал $\ddot{u}$ азербайджанизмов в армянских источниках. К тому же обозначение данного дифтонга было включено в армянский алфавит лишь в XIII веке. Следовательно, до XIII века $\ddot{u}$ в основном был замещен u , начиная же с XIII века, он замещался, в зависимости от позиции, то u , то $i\omega/iu$.

Иррациональный y отсутствовал в древнеармянском языке, поэтому он не всегда зафиксирован в азербайджанизмах, однако имеются случаи замещения его i (ср.: $ba\ddot{y}lu > ba\ddot{y}li$ 'закрытый, запертый'; $o\ddot{y}lu > o\ddot{y}li$ 'сын'). Наконец, в тюркизмах, особенно в азербайджанизмах, армянских источников регулярно нарушается нёбная гармония гласных.

Наблюдается следующее чередование (*resp.* замещение) согласных звуков: $ph > p$, $k/q > x$, $kh > k$, $b > v/p$, $f > p/pp$ и т. д.³

Рассмотрение фонетических и графических изменений в азербайджанизмах грузинских и армянских источников помогает установить период их заимствования (точнее — зафиксирования).

Как известно, на тюркизмы в закавказских источниках впервые обратил внимание доктор Мордман. В одной из своих статей, посвященной

¹ Подробнее об этом см.: Р. А. Ачарян. Когда $\dagger$ стал γ ? (на арм. яз.). — «Известия АН Армянской ССР». Ереван, 1948, № 5, стр. 30—40.

² Э. Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971, стр. 20, 28.

³ Р. А. Ачарян. Тюркские заимствованные слова в армянском языке (на арм. яз.). Москва—Вагаршапат, 1902, стр. 26—55.

этой теме, он писал: «...армяне принадлежат к индоевропейскому народу, но язык их указывает на явные следы туранского влияния. Под этим выражением я разумею не те турецкие слова, которые вошли в язык вследствие вековой связи с османами, а те туранские элементы в письменном языке IV, V, VI и VII столетий нашей эры, когда еще никто не слышал о сельджуках, османлы и др.»⁴. Автором статьи приводятся 23 якобы тюркских слова, из них интерес представляют tel 'нитка, латунная струна', 'челка', ot > хот 'трава, сено', rāgdü > barti 'бревно, балка', которые Р. А. Ачарян считает армянскими заимствованиями в турецком и азербайджанском языках⁵.

Комментируя статью Мордмана, К. П. Патканян отметил, что тюрки в Закавказье действительно появились в период раннего средневековья, ибо «чены армянских писателей, поселившиеся в Армении в начале IV века, ни в коем случае не были настоящими китайцами, как обыкновенно переводят это название... Чены грузинской летописи называются просто турками; они переселились с берегов Волги»⁶. Для доказательства своего предположения он приводит несколько тюркских слов, зафиксированных в армянских источниках V—VI веков, например: arug/arug 'тощий; бесплодный', агу/агуу 'канавы, ручеек', tel 'нитка, латунная струна' и др.⁷. Относительно слова во́хаг он замечает: «Возьмем еще одно до сих пор также не тронутое слово и сравним: 𐎱𐎠𐎺𐎠 (во́хаг, о́хаг) 'баран, овца'. Это слово V века. Я нахожу его в словаре Будагова, джаг. тат. قوچقلار (khoschkar) 'баран племенной'; в алтайском — ко́ког 'дикий баран' ... Нельзя же присутствие этого слова в армянском языке в V веке объяснить только случайностью. Утрата гортанного к перед п(о) тоже не без аналогии»⁸. Эта мысль К. Патканяна была развита Х. Педерсеном, который отметил, что венгерский агок 'канал' восходит как раз к той тюркской основе агуq, которая зафиксирована в армянских источниках⁹.

В свете сказанного отметим, что наряду с огузской qoç в тюркских языках существовала и существует форма qoşqar/qoşqar¹⁰, которая бытовала и у тюрков Закавказья в период раннего средневековья. Доказательством служит ее наличие не только в армянских источниках V века, но и в топонимии Азербайджана; наряду с топонимами Qoşday 'гора Гоч' (в Кельбаджарском районе) и Qoşdāgā 'ущелье Гоч' (в Таузском районе) в Дашкесанском районе имеется ороним Qoşqar day 'гора Гошгар' и гидроним Qoşqar çaj 'река Гошгар'. Здесь же встречаются и другие древние тюркские этнонимы, а именно: *Баян, Гарагуллар, Гушчу, Чанахчи* и др.¹¹

Особый интерес представляет слово агуу/агуq. Агуу/агуq/агх в тюркских языках — фонетические варианты одной основы аг- (см.: ег агіq qazdı 'мужчина выкопал арык' — у Махмуда Кашгарского, т. II, стр. 10),

⁴ См.: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, 1870, XXIV, № 80.

⁵ См.: Р. А. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка (на арм. яз.). Ереван, т. I, 1971, стр. 403; т. II, 1973, стр. 169, 402.

⁶ См.: К. Патканов. О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских. — «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», т. VI, Тифлис, 1880, № 1, стр. 47.

⁷ Там же, стр. 45—46.

⁸ Там же, стр. 49.

⁹ См.: Н. Pedersen. Zur armenischen Sprachgeschichte. Kuhns Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd., 38, 1904, стр. 195.

¹⁰ См.: Mahmud Kaşkarlı. Divanü lügat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay, т. I. Ankara, 1939, стр. 321; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 451.

¹¹ «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР». Составитель Е. Н. Бушуева. М., 1971, стр. 51.

однако эти варианты в разное время были заимствованы армянским, грузинским и удинским языками; форма агуц/агуц отмечена в армянских источниках V—VI веков. Р. А. Ачарян считает сходными с армянским аги (которое он с некоторым сомнением относит к исконной лексике) удинское огоип/огаип 'родник, ключ; водоем, бассейн', чагатайское агик/агик 'канава, речка', киргизское айук, алтайское айу и т. д., полагая, что все это разновидности одной формы, заимствованной из персидского языка¹². Вместе с тем Р. А. Ачарян не отрицает, что агуц/агуц — тюркское слово и что оно было зафиксировано в XI веке армянским историком Аристакесом Ластвиреци¹³. В армянской надписи, датированной 996 годом, он находит другой вариант этого слова, а именно — агх¹⁴. Таким образом, не остается сомнений в том, что тюркская форма агуц/агуц/агх в армянском языке такая же древняя, как и аги. Что касается удинского слова огоип/огаип, то, во-первых, оно осложнено суффиксом принадлежности -ип, во-вторых, восходит к тюркско-алтайскому ог/ого¹⁵. Не случайно, что Э. В. Севортян межтюркское ог 'ров, яма' сравнивает с алтайским ого, имеющим то же значение. В древнетюркских языках существовала и производная форма — ога, означавшая «яма, ров»¹⁶. По всей вероятности, ого/ога проникло в удинский язык из азербайджанского в пору раннего средневековья, а впоследствии к нему был присоединен элемент -ип (ср. удин. ац 'грудь, склон горы', но ацип 'поле, пашня', где -ип является вариантом -ип).

Э. В. Севортян отмечает, что хотя общеиндоевропейское йг-, аиег с общим значением «вода», «влага» представляется далеким от тюркской основы агуц/а:гук, тем не менее «нельзя исключать другой возможности относительно происхождения а:рыц ~ арыц — его формирования под влиянием индоевропейских источников, и при таком допущении тур. и аз. арк ~ арх могли бы рассматриваться в качестве старейших форм для арыц, а последняя как более поздняя»¹⁷.

Однако, как видно из сказанного выше, форма агуц/агуц встречается, во-первых, в армянских источниках V—VI веков, во-вторых, агуц участвует в топонимообразованиях Закавказья: в Болнисском районе Грузинской ССР имеется село Агуцлы¹⁸, а в Кедабекском и Агдамском районах Азербайджанской ССР — Агуцдам (ср. Ацдам, Зардам, Агуцдам в Агдамском районе)¹⁹. Кроме того, Р. А. Ачарян указывает дату зафиксирования агх в армянских письменных источниках — 996 год. Форма агх в X—XI веках проникла и в грузинский язык: на территории Картли (Восточной Грузии) образовались топонимы Агхиули (то есть илу агх 'большая канава' или 'древняя канава', как предполагал еще К. Ф. Ган²⁰) и Агхи сихе (<Агхлу қала, то есть 'крепость, обнесенная канавой, рвом'), отмеченные в грузинском источнике XI века «Матиане Картлиса»²¹ (Летопись Картли).

¹² Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. I, стр. 264—265.

¹³ Там же, стр. 332.

¹⁴ Там же, стр. 317.

¹⁵ Ога+ип вряд ли восходит к исконно удинскому киг 'яма, колодец', 'ложбина', тем более, что от киг (ср. крыз., будух. киг 'река, канал', лезг. иг 'яма, колодец', цахур., рутульск. нугаг/ > fag 'яма, колодец'...) в удинском языке не образуется кигеип/кигуип, схожее с огоип/огаип.

¹⁶ См.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 466—467.

¹⁷ Там же, стр. 189.

¹⁸ «Грузинская ССР. Административно-территориальное деление». Тбилиси, 1966.

¹⁹ «Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление». Баку, 1968.

²⁰ См.: К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 40. Тифлис, 1909, отдел III, стр. 14—17.

²¹ См.: «Матиане Картлиса». Тбилиси, 1976, стр. 51.

Из сказанного следует, что форма агх существовала в азербайджанском языке еще в IX—X веках, откуда была заимствована в армянский и грузинский языки, однако ей все-таки предшествовала форма агуq/агуq.

В армянских источниках V—VI веков зафиксированы еще пять слов-этнонимов: akaciṙ < akxazir, varsaṙ/varsan, kangar/kenger, xaḫal и хипап.

Армянский историк V века Елише²² пишет, что албанские цари в зоне Казах-Акстафа располагали зимней резиденцией, именуемой Хаḫал²³. Топоним Хаḫал²⁴ в средневековом Азербайджане был довольно распространенным: грузинский источник XII века — «История и восхваления венценосцев» (Тбилиси, 1954, стр. 28), повествуя о событиях XI—XII веков, сообщает, что владение Ширваншаха в то время простиралось от Дербента до Халхала; в XIV веке Шейх Сефи упоминает другой город Халхал в Южном Азербайджане²⁵. В диалектах азербайджанского языка, особенно в казахском диалекте и в дманисском говоре хаḫал значит «огороженное место для скота, загон», с этой же семантикой он проник в грузинский язык в средние века и был отмечен в грузинском словаре Сулхана-Саба Орбелиани (XVIII век)²⁶.

Можно допустить априори, что Хаḫал был не только зимней резиденцией албанских царей, но и вообще местом зимовки албанских (то есть азербайджанских) скотоводов. В Варташенском и Нахичеванском районах Азербайджанской ССР наряду с топонимом Халхал имеются Халхалгышлаг 'Халхал-зимовка' и Дашхалхал 'каменный халхал' (то есть каменный загон). Синонимом хаḫал в азербайджанском языке является аууl 'загон', в связи с чем, согласно существующей закономерности, в Шекинском районе Азербайджанской ССР появился топоним Даṣаууl 'Каменный загон'. Топонимы Kangar day 'Гора кангаров' и Kangarac gavar 'Кангарская область', образованные от названий тюркского племени кангар²⁷, отмечены армянским историком V века Лазарем Парапским. Повествуя о совместной борьбе закавказских народов в 484 г. против Сасанидского Ирана, он пишет, что объединенная армия закавказцев, потерпевшая поражение, спустилась с пограничных с Арменией Кангарских гор (gangarac legn) в долину реки Куры, в область Кангаров (gavarac Kangarac) и дожидалась там помощи от соседей-гуннов²⁸. Эта гора, расположенная на территории Гукасянского района Армянской ССР, до сих пор называется кангарской. Наличие в источнике V века топонима Kangar day и ойконима Kangar имеет большое научное значение, тем более, что в Нахичеванском, Мирбаширском, Саатлинском и

²² Имена Jeliše, Levond, Alvan и др., относящиеся к V—VIII векам, арменистами очень часто пишутся как Jeyiše, Yevond, Aṙvan. Это ошибочное написание, ибо они относятся к тому периоду, когда ɟ еще из ряда сонантов не перешел в ряд шумных, а значит, и не произносился как ɣ.

²³ См.: *Елише*. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971, стр. 77.

²⁴ Данное слово, по-видимому, не имеет отношения к персидскому خاخال [xāḫal] «браслет или кольцо, носимое женщинами Востока на ногах».

²⁵ М. Аббаслы. К вопросу о происхождении сефевидов. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1973, № 2, стр. 47—48.

²⁶ См.: Ц. А. Абуладзе. Тюркские переводы словника словаря Сулхан-Саба Орбелиани (на груз. яз.). Тбилиси, 1968, стр. 74.

²⁷ Кангаров наряду с савирами Клавдий Птоломей и другие античные авторы в I—II веках помещают вдоль побережья Каспийского моря и около Кавказских гор до Дербента (подробно см.: М. И. Артамонов. История хазаров. Л., 1962, стр. 65); сирийский автор VI века Мар Аба I пишет, что в V—VI веках они уже жили в зоне Нахичевань—Армения, где в 542 г. с ними воевали персидские войска; см.: Н. Пигулевская. Мар Аба I. (К истории культуры VI в. н. э.). — «Советское востоковедение», V. М.—Л., 1948, стр. 77.

²⁸ См.: Лазар Парапский. История Армении (на др.-арм. яз.). Тифлис, 1904, стр. 132.

Кюрдамирском районах Азербайджанской ССР существуют ойконимы Kengerli, Kengerlär.

Слово *varsay/varsan* 'стихи, газели' встречается в трудах Фавста Бузанда (V век) и Моисея Хоренского (V—VI века)²⁹.

Что касается слова *akaci* < *akxazir*, то, по мнению М. И. Артамонова, это греческая адаптация, состоящая из двух компонентов тюркского *ака* (по-древнетюркски 'старшинство по мужской линии') и заимствованного в Индии хуннами (II век до н. э.) *šegi -šägig* (греч. *ι* > тюрк. *ч*)³⁰. Думается, что М. И. Артамонов упустил из виду одну закономерность тюркской этнонимии — деление тюркских народов и племен как минимум на *ак* 'белых' и *гага* 'черных'³¹; см.: *akhun, göghun, saryhun* ('белый гунн', 'синий гунн', 'желтый гунн'); *Akqojunlu, Qaraqojunlu* (племя «белого барана» и «черного барана»); *akkurçaq, qarakturçaq, sarykurçaq* ('белый кыпчак', 'черный кыпчак', 'желтый кыпчак'), в том числе и *akxazir* 'белый хазар' и *qaxazir* 'черный хазар'. Знаменателен тот факт, что, судя по источникам раннего средневековья, *akhun*'ы в V веке осели в Мугани и построили города *Akhun/Akgun* (*Balasa gun* в арабских источниках)³² и *Hunan/Xunan* (> *Xunarakert* у Моисея Хоренского)³³ на побережье реки Куры.

Как свидетельствуют изученные нами источники, пиком проникновения тюркского этноса в Закавказье был VII век, именно в это время тюркские племена (особенно савиры, кангары, хазары, барсилы и др.) заселили почти все области Албании (то есть Северного Азербайджана). Очевидец этих событий, албанский историк Моисей Утийский сообщает, что в 682 году царь Вараз Трдат вынужден был заявить о том, что противостоять притоку тюрков в Албанию уже невозможно и поэтому их следует считать полноправными жителями страны: «И с этих пор да не сочтем за позор с ними родниться», — заявил Вараз Трдат³⁴. Таким образом, с VII века все тюркоязычные народности Азербайджана вошли в состав единого политического и экономического союза. Это способствовало распространению в многоязычном Азербайджане азербайджанского разговорного языка, ставшего общенародным. Вот почему с VII в. количество тюркизмов в закавказских источниках заметно возрастает. Только в «Истории Алван», названной М. И. Артамоновым «первоклассным источником по истории хазар»³⁵, встречается множество распространенных тюркизмов: *avci* 'охотник', *šörçi* 'знахарь', *gögjar* 'молния, гром', *taŋgrıxan* 'бог', *xağan* 'хакан', *žebü* (у автора — *žebu*) 'вицехакан', *šad* 'наместник', 'полководец', *taŋhan* 'привилегированный вельможа', *tegin* 'принц' (ср. арм. *tikin* 'госпожа, владычица'), *tidun* 'высший офицер'; *tuŋqaŋ* 'гонец, вестник', *elteber* (у автора — *Alp Ilitver*) 'вождь, предводитель'; этнонимы: *türk, hajlantürk, hun, xazir, akxazir, barsil*; топоним

²⁹ Об этом слове см.: *Мирали Сейидов*. О слове «Варсан» (на азерб. яз.). — «Труды Института литературы и языка АН Азербайджанской ССР», т. VII. Баку, 1954, стр. 175—185.

³⁰ См.: *М. И. Артамонов*. Указ. раб., стр. 156.

³¹ Подробнее об этом см.: *А. Н. Кононов*. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 5. Душанбе, 1954.

³² *J. Marquart*. *Eranşahr nach der geographie der Ps. Moses Xorenaci*. Berlin, 1901, стр. 119.

³³ *Л. М. Меликсет-Бек*. К истории появления гуннов в восточном Закавказье. — «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XIII. Баку, 1957, № 6, стр. 709—713; *Д. Л. Мусхелишвили*. К вопросу о локализации хунана/хнаракерта. — В кн.: «Археологические памятники феодальной Грузии», II. Тбилиси, 1974, стр. 275—277; *Р. М. Ваидов, Н. М. Гулиев*. О тождестве городища Торпаггала и города Хунана. — Там же, стр. 278—279.

³⁴ «История Агван Моисея Каганкатваци». СПб., 1861, стр. 190.

³⁵ *М. И. Артамонов*. Указ. раб., стр. 18.

Turkestan, отнесенный к Хазарии; антропонимы Avci, Alp, Konag, Yazan, Cooran и т. д.³⁶

Из многочисленных тюркизмов армянских и грузинских источников VII—VIII веков особый интерес представляют в данном случае всего несколько слов, и прежде всего слово jarpuzi 'бурка, епанча', зафиксированное у армянского историка VIII века Левонда³⁷. Р. А. Ачарян сообщает, что это тюркское слово встречается и в армянском источнике XII века «Жизнь святых», где оно приобрело вид ebičay³⁸. Знаменателен тот факт, что Левонд точно передает данное слово, соответствующее азербайджанскому jarpuzi/jarpuzu (ср. тур. jarpuz). У того же Левонда встречаются слова alp 'герой', личное имя, а также tarhan, хаган, хатун 'госпожа', elteber (у автора — хатирлутбер ~ Alp Ilitver) и т. д.

В «Армянской географии» VII века наряду с хаган, хатун, türk, barsil, hazar, savir, bulgar встречается слово расанк/расинак вместо реценек 'печенег' и топоним Turkestan, отнесенное, как и в «Истории Алван»³⁹, к Хазарии⁴⁰.

В XI веке в Закавказье появляются огузы под предводительством сельджуков. За короткий срок они расселяются почти по всей территории Закавказья: в Азербайджане, Армении и Картли (восточной Грузии). Грузинские источники того периода, особенно «Давитис историкоси» (история царя Давида IV), делили Грузию на две части: на тюркскую, называемую Didi Türkoba (Великая туретчина), и грузинскую, называемую Kartveloba⁴¹. Исследователь этого периода Н. Н. Шенгелия пишет, что в то время «происходил процесс массового оседания турецких племен на территории Грузии...»⁴² и «... создавалась опасность тюркизации грузинской территории...»⁴³. Необходимо учитывать, что с VI века в этой части Грузии жили тюрки-савиры, которые в источнике VII—IX веков «Мокцевай Картлиса» [обращение Картли (в христианство)] названы bunturk'ами (коренными, древними тюрками)⁴⁴. С VIII века здесь появляются ранние кыпчаки, называвшиеся в грузинских источниках XII—XIII веков paqivčakaга (старые кыпчаки). В XII веке сюда переселились 225 тысяч северокавказских кыпчаков⁴⁵, которых те же источники называют ахалиқивčакага (новые кыпчаки)⁴⁶. Таким образом, в XI—XII веках в Картли преобладало тюркоязычное население, благодаря чему и возникло название Didi Türkoba.

В. Н. Габиашвили, М. С. Джикия и другие обнаружили в грузинских источниках XI—XIII веков десятки тюркских (азербайджанских) слов, например: žar (вм. jar), atabegi 'главный бек', uzi 'край'⁴⁷, čelebi 'святой',

³⁶ О тюркизмах в «Истории Алван» см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в албанских источниках. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 30—41.

³⁷ «История Армении вардапета Гевонда» (на др.-арм. яз.). Пб., 1887, гл. VI.

³⁸ Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. II, стр. 4.

³⁹ Об этом см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в «Истории алван» Моисея Утийского. — В кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 249.

⁴⁰ С. Т. Еремян. Армения согласно «Ашхарацойц» (на арм. яз.). Ереван, 1963, стр. 102—103.

⁴¹ «Картлис цховреба (жизнь Грузии)», т. I (на др.-груз. яз.). Тбилиси, 1955, стр. 321—324.

⁴² Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия (резюме на русском языке). Тбилиси, 1968, стр. 396.

⁴³ Там же, стр. 399.

⁴⁴ «Картлис цховреба», т. I, стр. 15—17; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 125.

⁴⁵ З. В. Анчабадзе. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков. — В кн.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 118.

⁴⁶ Там же, стр. 119.

⁴⁷ См.: Г. Г. Аласаниа. К разъяснению двух терминов в сочинении второго историка Тамар (на груз. яз.). — В кн.: «Восточная филология», III. Тбилиси, 1973, стр. 208—210.

žibyu (вм. jabyu), žoγa (вм. joγa) 'иноходец', balta 'топор', oγlan 'мальчик', aγanči 'арканщик', uluxan 'большой хан', ulubeg 'большой бек', temurči 'кузнец', ata 'отец', buγa 'бык, бугай', qigumši 'засохший, высохший', qulluxči 'служащий', qizlar 'девушки' и много других⁴⁸, зафиксированных также и в армянских источниках того времени.

Тюркские языки этого периода, особенно азербайджанский и турецкий, довольно ощутимо влияли и на персидский язык⁴⁹. Не случайно в произведениях Хагани, Низами, Гатрана Тебризи и других поэтов XII века, писавших на персидском языке, встречаются десятки азербайджанских слов: day 'клеймо', ajaq 'пиала, бокал', su 'вода', ätmäk 'хлеб', axır 'ясли', qaratuγan '«держи дерево», колючка', itkin 'пропавший', tanγu 'бог', tuγ 'флаг', xatun 'госпожа', sänsän 'ты', čalyš 'бой, битва', sanžaq 'флаг', külung 'кирка', alačug 'шатер, палатка', jajlaq 'летовка', taranča 'пощечина', jaγta 'грабеж', tamyači 'клеймовщик', munžug 'бусы'. Характерно также использование этими поэтами специфических словообразовательных аффиксов азербайджанского языка -či, -lah, -uš, -taš в составе таких слов, как: mijaču, sānglah, divlah, čalyš, xažätaš и т. д.⁵⁰

У армянских авторов X—XIII веков встречаются такие слова, как živar⁵¹ 'распределитель воды', sel 'сель, поток', tum 'воск', xavar (азерб. диал.) 'весть, известия', dāγman 'лекарство' (у Нарекаци — X век), aγuq 'арык, канава', baban 'каменетательное орудие', Türkestan 'Туркестан', Alp Arslan, Sultan (у Аристакеса Ластвиреци — XI век), антропонимы Kitbuγa, Sarum, Uz(u)n, Temirtaš (ср. азерб. Dašdämür), Ayačäräk (главное войско или глава армии), Togguztäpä (<Doqquztäpä), Artux (<Artyx ~ Artyq), türk, türkmän расанак (ср. в «Армянской географии» VII века — расанк), poltači букв.: 'топорник', qlyč Arslan букв.: 'меч Арслан' и т. д. (у Смбата Спарапета — XIII век)⁵², elči 'посол', jaγluq 'ярлык', jam 'почтовая станция', temači 'род войск у тюрков и монголов', aγul 'загон' и т. д. у других авторов XIII—XIV веков⁵³. Особый интерес представляет сложное слово kesikdanк, приведенное у Мхитара Айриванского (XIII век). Он пишет, что монголы всех грузинских князей и дворян увели заложниками в орду и называли их kesikdanк⁵⁴, — слово, безусловно, тюркское (от kesik 'отрубленный, отрезанный').

Особый интерес представляют три армянских источника XIII века, а именно: «История» Киракоса Гандзакеци и сочинения поэтов Фрика и Ованнеса Ерзнкаци. Старшим по возрасту из них является Киракос, ро-

⁴⁸ В. Н. Габиашвили. Грузия и тюркский мир в XI—XIII вв. (на груз. яз.). — В кн.: «Восточная филология», III, Тбилиси, 1973, стр. 92—99; М. С. Джикия. Антропонимы турецкого происхождения в грузинском языке (на груз. яз.). — Там же, стр. 211—218.

⁴⁹ Н. Заринзадэ. Фарс дилиндэ Азербайжан сөzləri. Баку, 1962; Gerhard Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I, 1963; II, 1965; III, 1967; IV, 1975. Wiesbaden.

⁵⁰ Н. Араслы. Низамидэ халг сөzləri, халг ифадэ вэ зерб-мәсәлләри. — «Известия Азербайджанского филиала АН СССР». Баку, 1942, № 8; Зејнал Тағызадэ. Низами әсәрләриндә бә'зи Азербайжан сөzləri вэ шәкилчиләри. — Газ. «Азербайжан мүүллими», № 51, от 17.III.1953. Баку.

⁵¹ Очевидно, от тюрк. žuv (ср. suv) 'вода' и äγ 'муж, мужчина' из ряда соответствий j ~ s ~ š/č ~ ž (ср. перс. miγ 'начальник' + ab 'вода' = miγab), а не перс. žu 'проточная вода, канава' и т. п., ср. азерб. žökä в.м. jökä 'липа', čijäläk (<žerjelak) от žer 'земля' + jelak 'плод', 'ягода' в.м. jerjelak, žaγ в.м. jaγ и т. д.

⁵² См.: Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений (на арм. яз.). Ереван, 1960, стр. 2, 6, 15, 79 и сл.; «Повествование вардапета Аристакеса Ластвиреци». М., 1968, стр. 86, 103, 133 и сл.; Смбат Спарапет. Летопись. Ереван, 1974, стр. 13, 30, 46, 53, 55, 110, 133, 134, 152 и сл.

⁵³ Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. I, стр. 131, 388, 449; т. II, стр. 3, 4, 116, 172, 207, 236, 312 и сл.

⁵⁴ Мхитар Айриванеци. Хронографическая история (на арм. яз.). М., 1869, стр. 146.

дившийся в 1201—1202 годах в городе Гяндже⁵⁵. К. А. Мелик-Оганджаниян пишет, что монголы, захватившие Закавказье в 1236 году вели свои административные и другие дела здесь на азербайджанском и персидском языках. Так как Киракос владел этими языками (на что намекает он сам), они взяли его к себе писарем⁵⁶. Поэтому тюркские и монгольские слова, приведенные Киракосом в его «Истории», представляют большой научный интерес. На основе этого материала и монголизмов в произведении грузинского анонима XIV века Б. Я. Владимирцов установил весьма важный факт в истории монгольских языков: замену присутствующей, с его точки зрения, древнемонгольскому языку системы глухих и звонких согласных системой сильных и слабых согласных, которая произошла уже в XIII веке⁵⁷.

В «Истории» Киракоса встречается около ста тюркских и монгольских слов; одни считают их только монгольскими (К. А. Мелик-Оганджаниян, Б. А. Владимирцов и др.), а другие — тюркскими (М. А. Сейидов и др.)⁵⁸. При этом упускается из виду то обстоятельство, что Киракос хорошо отличал тюркские слова от монгольских. Так, например, в 32-й главе, названной «Краткое описание внешности татар», он пишет: «Язык их дик и непонятен нам, ибо бога они называют *tangri/tanγri*⁵⁹, человека — *ēgē*, *āgān* (<*āgān*), женщину — *ēmē*, *arži*, отца — *ēčka*, мать — *aka* (<*ākā*), брата — *aka* (<*aγa*), сестру — *akāci* (<*ākāci*), голову — *tigon*, глаза — *nitun*, уши — *čikin*, бороду — *saxal* (<*sakal*), лицо — *jüz*, *piur*, рот — *aman* (<*āmān*), зуб — *sxur*, *sidun*, хлеб — *atmak/otmak* (<*ätmäk/ötmäk*), быка — *akar*, корову — *unen* (<*ünen*), барана — *γojna*, ягненка — *γurγan*, козу — *iman*, лошадь — *tori*, мула — *los*, верблюда — *taman*, собаку — *poħaj*, волка — *čina*, медведя — *ajtku*, лису — *honkan*, зайца — *tablγa*, *tula*, курицу — *taxea*, голубя — *koķičin*, орла — *burkui*, *γuř*, воду — *usun*, вино — *tarasun*, море — *pour*, *tāngiz* (<*tāngiz*), реку — *toran*, *ulansu*, меч — *ioltu* (<*öltu/joltu*), лук — *putu*, стрелу — *sumu*, царя — *melik*, патрона — *poin/puin*, великого патрона — *ēkanuin*, страну — *el*, *irkan*, небо — *goga*, солнце — *paγan*, ночь — *sojni*, луну — *saga*, звезды — *sarγa*, *xrut*, свет — *otur*, писца — *bitikči*, сатану — *baraħur*, *ēlēr* и тому подобные варварские названия, которые в течение многих лет были нам неизвестны, а теперь поневоле стали известны»⁶⁰.

Приведенные в этом отрывке слова (их всего 61) можно подразделить на три группы: а) синонимично употребляемые тюркские и монгольские слова (ср.: *ēgē*, *āgān*; *ēmē*, *arži*; *jüz*, *piur*; *pour*, *tāngiz*; *toran*, *ulansu*; *tula*, *tablγa*; *burkui*, *γuř* и т. д.); б) монгольские слова без тюркских синонимов (*tigon*, *nitun*, *čikin*, *ēčka*, *tori*, *poħaj*, *akar*, *taxea*, *putu*, *sumu*, *poin*, *paγan* и т. д.); в) тюркские слова без монгольских синонимов (*ākā*, *ākāci*, *aγa*, *sakal*, *γojna*, *el*, *bitikči* и т. д.).

Кроме приведенных в «Истории» Киракоса, упоминаются следующие тюркские слова: *ata* 'отец', *bek* 'бек', *buγa* 'бык, бугай', *gürzi* 'гру-

⁵⁵ Предисловие К. А. Мелик-Оганджанияна к научно-критическому тексту «Истории» Киракоса Гандзакеци. Ереван, 1961, стр. 13, 20; Л. А. Ханларян. «История Армении» Киракоса Гандзакеци. — В кн.: «Киракос Гандзакеци. История Армении». М., 1976, стр. 20.

⁵⁶ См.: К. А. Мелик-Оганджаниян. Указ. предисловие, стр. 20.

⁵⁷ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929.

⁵⁸ Мирали Сейидов. XIII эср ермәни тарихчисинин эсәриндә түрк-монгол сөzlәри. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук». Баку, 1962, № 1, стр. 91—94.

⁵⁹ Разночтение дано К. А. Мелик-Оганджанияном.

⁶⁰ Киракос Гандзакеци. История Армении (на арм. яз.). Ереван, 1961, стр. 273—275.

зин', *yaqa/qaqa* 'черный', *yuš/quš* 'птица', *el* 'народ', *elči* 'посол', *eltamya* 'большая печать', *ekä/jekä* 'большой', *jüz* 'лицо', *ilanbalex* 'миноги', *ilansu* 'река Илан' (букв.: 'река Змея'), *s(y)uṇax* 'укрытие', *süd gölü* (у автора — *süd göl*) 'молочное озеро', *topuz/dopuz* 'свинья', *tamya/damya* 'клеймо', *tangri* 'бог', *tula* 'заяц', личные имена: *Qaraçuq* (ср. *Qaraçuq* в «Китаби деде Коркут»), *Buṇa*, *Quli*, *Alp Arslan*, *Gürzi xatun* (о Тамаре, букв.: 'госпожа грузинка'), *Arzu xatun*, *Aybuṇa*, *Aslanbek*, *Atabek*, *Häsän Zalal* и др.

Согласно указанной выше закономерности смещения звуков, эти слова относятся к азербайджанскому языку. Тем более, что все они (кроме монгольских) входят в лексический состав азербайджанского языка и большинство из них употребляется в литературном языке. Кроме того, звукосмещения $\ddot{a} > a$, $\ddot{o} > o$, $\ddot{u} > u$, $q > x$ и т. п. (см. выше) характерны именно для азербайджанизмов армянских источников. Слова, сохранившиеся в диалектах и говорах азербайджанского языка, бытуют в армянских диалектах и говорах, представленных в Азербайджане. Например, *äkä* употребляется в шемахинском и гянджинском диалектах азербайджанского языка и в шемахинском диалекте армянского языка⁶¹. Даже такие общетюркско-монгольские слова, как *tamya*, *tangri*, *bitik(çi)*, *elçi*, *göl*, *süd*, *ätmäk* и т. п., в «Истории» Киракоса зафиксированы именно в азербайджанской форме (в древнемонгольском — *tamaṇa*, *tengere*, *biçig* и т. д.)⁶².

Не случайно в «Истории» Киракоса есть слово *ulusu*, ибо и в грузинских источниках того периода зафиксирован гидроним *arxi uli*, то есть *ulu arx* (см. выше), а также *ulu xan*, *ulu bek*. Видимо, названия водных объектов, а также имена и титулы, образованные с элементом *ulu*, характерны для азербайджанского языка XI—XIII веков. Судя по сведениям закавказских источников и отмеченным в них тюркизмам и монголизмам, в языке монголов, захвативших Закавказье, преобладали тюркские слова и лексико-грамматические формы. Видимо, монгольский язык уже в XII—XIII веках был насыщен тюркскими заимствованиями и, пожалуй, монголы в Закавказье считали себя в большей мере тюрками. В связи с этим небезынтересно вспомнить сообщение Ибн-ал-Асира и Рашидаддина о том, что, когда монголы в 1222—1223 годах потерпели поражение в Осетии в битве с аланами и кыпчаками, они отправили кыпчакам Северного Кавказа послание, в котором подчеркивали свое родство с ними: «Мы и вы — один народ из одного племени (выделено нами. — В. Г.), аланы же нам чужие»⁶³. Поэтому, когда речь идет о ранних тюрко-монгольских языковых контактах, весьма важно учитывать подобные лингвистические и экстралингвистические факторы.

Другими важными, с интересующей нас точки зрения, источниками являются сочинения двух армянских поэтов XIII века — Фрика и Ованнеса Ерзнкаци.

Наличие азербайджанских слов в произведениях Фрика связано с тем, что он долго жил в Азербайджане, о чем он сам сообщает: «Летовкой для нас служили *Aladaṇ* и *Qaradaṇ*, а зимовкой — *Muṇan-Aṇan*»⁶⁴. А. Иоаннесян указывает, что, так как Фрик двадцать лет прожил в Азер-

⁶¹ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в Азербайджанской ССР. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1969, стр. 59.

⁶² Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., стр. III, 64, 176; А. М. Щербак. О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях. — В сб.: «Исследования по восточной филологии». М., 1974, стр. 340—348.

⁶³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 32—33.

⁶⁴ Фрик. Стихотворения (на арм. яз.). Ереван, 1941, стр. 211.

байджане, в его стихах прослеживается влияние карабахских диалектов азербайджанского и армянского языков⁶⁵.

В стихах Фрика, написанных на армянском языке, имеются десятки азербайджанских слов (или арабские и персидские слова в азербайджанской адаптации). Особый интерес представляют слова: *başag* — 'уметь, суметь', *basag* — 'давить, задавить; победить; налететь', *talan* — 'грабеж' (ср. арм. *tlan*), *tütaq* (<*tütäq*) — 'свирель, дудка', *ağa* — 'господин', *koç* (<*köç*) — 'кочевка', *ortax* — 'пайщик, компаньон', *dağman* (<*därman*) — 'лекарство', *qamaz* (<*qammaz* <*qanmaz*) — 'бестолковый, невежа', *suçal* — 'поглаживание', *şixa* — 'бурка', *hanžax* (<*hanžaq/anžaq*) — 'только лишь', а также антропонимы и топонимы: *çurçax* — 'кыпчак', *muçal* (по-видимому, азербайджанец зоны Ках-Белоканы)⁶⁶, *qazan* — 'Газан', *sultan* — 'Султан', *Bäjläg bäji* — 'Бек беков', *Виçа* (Буга — полководец-эльханид), *Агун* (Аргун — царь-эльханид), *Аган* — 'Аран — Албания', *Муçан* — 'Муганская степь' и многие другие⁶⁷. Одна часть этих слов встречается как у предшественников, так и у современников Фрика, другая — такие, например, как *köç*, *ortax*, *qamaz*, *şixa* и т. д. — впервые в произведениях Фрика.

Внимание исследователей привлекли тюркизмы в сочинениях Ованнеса Ерзнкаци. Родился он в Арзинджане, владел тюркским языком и даже сочинял на этом языке или переводил на него стихи. Тюркизмы Ованнеса Ерзнкаци приводятся в научно-критическом издании его сочинений Арменуи Срапяном⁶⁸. Лингвистический анализ этих тюркизмов впервые дан Э. В. Севортяном⁶⁹.

Э. В. Севортян обратил внимание на очень важный момент, характерный для армянского (да и для грузинского) языка XI—XIII веков. Он пишет: «Употребляемые Ованнесом Ерзнкаци заимствования из тюркского разговорного языка и диалектов — собственно-тюркского или арабо-персидского происхождения — являются не авторскими, а общепринятыми в разговорном армянском языке тех далеких веков, о чем свидетельствуют произведения его современников, у которых встречаются те же тюркизмы. У нашего автора их больше и обращение к тюркизмам у него чаще, чем у других писателей»⁷⁰.

Тюркский материал у Ерзнкаци двойного характера: два сплошных тюркских отрывка и отдельные слова и выражения, вкрапленные в стихи на армянском языке. Первый отрывок⁷¹, известный под названием «Сын

⁶⁵ Ашот Иоаннесян. Фрик в свете исторической критики (на арм. яз.). Ереван, 1955, стр. 117.

⁶⁶ Народы Кавказа «мугал»ами называли и называют азербайджанцев зоны Ках-Белоканы. В собрании алфавитов армянского историка XV века Товма Мецопского наряду с албанским, армянским, грузинским и другими алфавитами имеется и алфавит *мугалский*. А. Г. Шанидзе пишет, что мугалы жили в Закатальской зоне, судя по источникам, говорили по-тюркски, даже в 1886 г. там было их до 21 000. (см.: А. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. — «Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР», т. IV. Тбилиси, 1938, № 1, стр. 26). По всей вероятности, мугалы были древними кыпчаками, имевшими в раннем средневековье оригинальную письменность, созданную на основе куфической. Наличие села Кыпчак в Кахском районе и реликты *ž*-/*ç* и *d*-диалекта [см. *žag* в Закаталах, *dağ* и *adək* (вм. *ajak*) в Варташене] тоже подтверждают это предположение.

⁶⁷ См.: Фрик. Стихотворения, стр. 35, 37, 67, 80, 86, 87, 111, 113, 171, 172, 209, 210, 212, 214, 220, 226, 230, 233, 239, 250, 253, 267, 268 и т. д.

⁶⁸ См.: Арменуи Срапян. Ованнес Ерзнкаци. Исследование и тексты (на арм. яз.). Ереван, 1958.

⁶⁹ См.: Э. В. Севортян. Тюркизмы у ранних армянских писателей. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 261—275.

⁷⁰ Там же, стр. 266.

⁷¹ Эти отрывки приводятся и в работах азербайджанских литературоведов, которые считают их написанными именно на азербайджанском языке, хотя и не подтверждают это соответствующим лингвистическим анализом (см.: Э. Лереванлы. Азэри-ермэни эдэби алагэлэри. Ереван, 1968, стр. 264—265; Мирэли Сејидов. Азэрбајчан-ермэни эдэби алагэлэри. Баку, 1976, стр. 103—104).

священника и дочь муллы», состоит всего из шести строк:

Sēn (san) müsürman (musurman)⁷², moġla ŷyzi (ŷyzy)
 Pēn (pan) Hovannēs kešiš oŷli (pan ērmēni kešiš oŷli)
 Joru, jeru (jeri, jürü) geavur (govur) oŷli (oŷlu)
 Gotur (geotur) pizten (pantan) muhal sozi
 Sēn (san) Hovannes kešiš oŷli,
 Pēn (pan) müsürman molla ŷyzi.

‘Ты — мусульманка, дочь муллы,
 Я — Хованнес, сын священника,
 Иди, иди (или: уходи, уходи, убеги), сын гяура,
 Неси от нас (или — от меня) слово «нельзя» (слово *мугала?! — В. Г.*)
 Ты — Хованнес, сын священника,
 Я (же) — мусульманка, дочь муллы’.

Перевод Э. В. Севортяна.

Другой отрывок состоит из двадцати строк (пять четверостиший)⁷³:

Sēn syn ari ŷyz Mariam,
 Jeazyxlarymē (jeazyxlarime) terman
 Tangri tyr sēntēn toŷan,
 Tangri(m) anasi⁷⁴ Mariam (Mariem)

Evēl atatan olti
 Oŷul tünjeaja (tunjeajē) qēlti
 Xristos Mariamtan toŷti
 Tangri(m) anasi Mariam (Mariēm)

Žennēt ŷapusun ačdi,
 Paŷli jollari čezti,
 Pizi tamuxtēn xutarti
 Tangri(m) anasi Mariam

Altuntēn (altuntan) tirek olti,
 Xristos jemišin (jemišyn) vērti,
 Pizi jektēn (ēkten) qurtarti (xutarti)
 Tangri(m) anasi Mariam

Altynten (altuntan) aziz Mariam

Zoherten aziz Mariam,
 Učtax jēasi (žēnnēt jēasi) Mariam (Meriem)
 Tangri(m) anasi Mariam.

‘Ты, святая дева Мария,
 Исцеление моих грехов,
 Господь родился от тебя,
 Матерь господа моего Мария.

Сначала он произошел от отца,
 Сын пришел в мир,
 Христос родился от Марии,
 Матерь господа моего Мария.

Она открыла врата рая,
 Она отомкнула запертые пути,
 Спасла нас от ада,
 Матерь господа моего Мария.

Из золота возник столп,
 Христос дал (нам) свои дары (*букв.: плоды*),
 Избавил нас от дьявола,
 Матерь господа моего Мария.

Драгоценнее золота Мария,
 Драгоценнее алмаза Мария,
 Владычица рая Мария,
 Матерь господа моего Мария.

Перевод Э. В. Севортяна.

⁷² Разночтение дано Арменуи Срапяном (см.: *Арменуи Срапян*. Указ. раб. стр. 164—170).

⁷³ См.: *Арменуи Срапян*. Указ. раб., стр. 257—258.

⁷⁴ Здесь либо автором, либо переписчиками нарушено правописание: *-m* из окончания *-im* написана как начальная буква следующего слова, и вместо *anasi* получилось *manasi*. Поэтому нами *-m* отнесено к слову *tangri(m)*.

В отдельных строках, написанных на армянском языке, имеются тюркские слова: *γarib/γärib* 'странник, чужестранец', *γadir* (<*qädir*) 'достоинство' (в сочетании: *γaripin γatryn gitenaγ* 'знал бы цену странника'), *γalat* (<*qälät*) 'ошибка, промах', *halal* и *hagam* 'приобретенный честным и нечестным путем', *γati* 'злостный, суровый' и т. д.⁷⁵

Анализируя эти тюркизмы, Э. В. Севортян отмечает, что «язык приведенных отрывков в целом относится к турецкому и более точно — к турецкой диалектной речи Восточной Анатолии»⁷⁶. Мнение Э. В. Севортяна не вызывает сомнения: Ованнес родился и жил в Арзинджане, следовательно, в его лексиконе арзинджанское наречие занимало особое место. Однако проводить четкое разграничение южнотюркских языков XII—XIII веков не всегда возможно. Поэтому не случайно Э. В. Севортян в стихах Ованнеса находит азербайджанские и туркменские формы.

Вместе с тем в произведениях Ованнеса имеются такие азербайджанизмы, которые Э. В. Севортян относит либо к восточноанатолийскому диалекту турецкого языка, либо же к туркменскому языку⁷⁷, тем более, что наблюдаемая у предшественников и современников Ованнеса закономерность замещения звуков в азербайджанизмах присуща и его стихам (передача: *ä > a*, *ö > o*, *eo*, *ü > u*, *x > k/q*, *q > γ*, *q > x*, *d/t > t/t* и т. д.). Ованнес наряду с *ben* (*pen*), *sen*, *benden* (*penten*), *joγ* и т. п. употребляет также — *bän* (*pan*), *sän* (*san*), *bändän* (*pantan*), *jeri*, *götür* (*geotur*) и подобные им азербайджанские формы, которые имеют место не только в творчестве Гасаноглы, Насими, Хатаи и последующих поэтов, но и у Низами, Хагани, Говси Тебризи и других (см. выше). Киракос, уроженец Гянджи, тоже употребляет эти формы (см. выше).

Слова с начальным *γ*- (*γuz*, *γalat*, *γarib*...), а также *tangri*, *atatan*, *tirek* и другие Э. В. Севортян относит к туркменизмам. Он не учитывает того, что слово *tangri/tanγiga* имеется и в закавказских источниках VII—XI веков, а слова *ata*, *tirek* издревле являются азербайджанской формой (см. у Насими: *Доггуз ата, једди ана, дөрд дајәдән вер хәбәр*⁷⁸). Что же касается начального *γ*-, то, во-первых, он имеется и у Киракоса (см.: *γojna*, *γuγan* и т. д.) и у Фрика (см.: *γamaz*, *γazan*...), во-вторых, этот звук широко представлен в произведениях классиков азербайджанской литературы (см.: у Насими: *Еј кули-хәнданум, ачыл, пәрдадән чыг гөнчә тәк*⁷⁹; у Физули: *Гәми-пунһан мәни өлдүрдү, бу һәм бир гәм кими*⁸⁰ и т. д.).

По Э. В. Севортяну, «к туркменскому можно отнести весьма старую, как оказывается, разговорную форму *жуғаб* 'ответ', которая ближе к туркм. *жоға:п...*»⁸¹. Надо отметить, что данное слово (*жуғаб*) неизменно сохраняется в диалектах азербайджанского языка⁸², откуда было заимствовано и в удинский язык⁸³.

В словах *terman* (ср. *darman* — у Григора Нарекаци и Фрика), *Magiam* и *äziz* тоже можно видеть азербайджанскую форму. Весьма интересны слова *и́стах* 'рай' и *та́тих* 'ад', зафиксированные в эпосе «Китаби деде Коркут», в стихах Насими (см.: *Ол күндә вә'дәји-һәг учмағ илә бәгадур*)⁸⁴, Хатаи (см.: *Олдур бу кечә ки, әһли-иман, Учмағ илә*

⁷⁵ См.: *Арменци Срапян*. Указ. раб., стр. 154—155, 157, 167, 169, 225 и сл.

⁷⁶ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 270.

⁷⁷ Там же, стр. 274.

⁷⁸ См.: *Чаһанкир Гәһрәманов*. Нәсими «Диваны»нын лексикасы. Баку, 1970, стр. 32.

⁷⁹ Там же, стр. 33.

⁸⁰ *Фүзули*. Лејли вә Мәчнун. Баку, 1958, стр. 49.

⁸¹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 273.

⁸² Р. Ә. Рүстәмөв. Губа диалекти. Баку, 1961, стр. 272; М. Ширәлијев. Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары. Баку, 1962, стр. 47.

⁸³ См.: *Ворошил Гукасян*. Удинско-азәрбајджанско-русский словарь. Баку, 1974, стр. 246.

⁸⁴ *Чаһанкир Гәһрәманов*. Указ. раб., стр. 60.

чавидан гавышды)⁸⁵ и в творчестве последующих поэтов. Хотя и́стах по происхождению согдийское ('wštm'x)⁸⁶ слово, однако у Ерзнкаци представлена его азербайджанская форма.

Таким образом, несмотря на то, что Ерзнкаци жил вдали от Азербайджана, в его произведениях отмечено большое число азербайджанизмов. Это, по-видимому, объясняется тем, что азербайджанская лексика, заимствованная армянским языком того периода, нашла соответствующее отражение как в произведениях армянских писателей, так и в народном творчестве. Азербайджанские заимствования очень часто использовались для создания рифмы в стихах. Например:

Qaql el **baxa-baxa**
Sev **çuxa**, qaqlıg **jaxa**

'Стоишь (ты) глядя
В черной бурке, красной сорочке'

или:

Baxça jem, **bağ** çunem jes,
Ajva jem, **pağ** çunem jes

'Бахча я, но бесплодный,
Айва я, но без граната'.

М. Х. Абебян пишет, что на классическом грабаре стихи — һајрепİ сочинялись без рифмы, «ибо наш язык беден рифмой, мало у нас гармонирующих слов; рифмы появились после XI—XII веков в устном народном творчестве; сочинители народных песен за рифмой часто обращались к знакомым им тюркским (азербайджанскому и турецкому. — В. Г.) языкам⁸⁷.

В заключение отметим, что приведенные выше заимствованные лексические и лексико-грамматические элементы, получившие отражение в закавказских источниках V—XIII веков, позволяют сделать следующие выводы:

1. Все эти заимствования относятся к *ž-/č-, d-, j-, c-*диалектам (наряду с *jüz, jęgi, ʏojun* и т. п. — *žebüç, žoğya, žar, beduk, tidün, расank/расі-пак...*) и представлены с того времени в азербайджанском языке (см.: *jug- ~ žug-* 'рвать, порвать', *gijiš- ~ gižiš-* 'зудеть', *gejim ~ gežim* 'одеяние', *ajaq ~ адаq* 'нога', *žar ~ dar* 'яр', *jumgu ~ dumgu* 'круглый', *čaj ~ сај* 'чай', *çox ~ сох* 'много', *çäräg ~ сәрäg* 'забор', *çever- ~ dever-* 'повернуть, перевернуть')⁸⁸, а также в удинском языке [*žugyt* 'джигит', *quđyl ~ qužyl* 'короткий ростом', *çalıç* 'глупец', *çak- ~ сак-* 'молния, сверкать (о молнии)', *žuk > žik* 'веретено' и т. п.]⁸⁹. Отсюда можно заключить, что дивергенция языков тюрков савиро-хазарского союза на *j-, d-, c-, ž-/č-*диалекты происходила до V века. Эти диалекты являлись опорными при формировании азербайджанского языка, поэтому их элементы и функционируют в нём до сих пор.

2. Все слова, зафиксированные в закавказских источниках V—XIII веков, составляют часть лексики (в большинстве случаев исконной)

⁸⁵ *Хатаи. Дәһнамә. Баку, 1959, стр. 124.*

⁸⁶ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 617; Э. В. Севортян. Указ. словарь, стр. 614

⁸⁷ М. Абебян. Народные песни (на арм. яз.). Вагаршапат, 1904, стр. 34—35; его же. Народные стихи Гусан (на арм. яз.). Ереван, 1940, стр. 19.

⁸⁸ Об этом см.: М. Ш. Ширалиев. Кипчакские элементы в азербайджанском языке (на материале диалектов и говоров). — В сб.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 11; В. И. Асланов. Историческая лексикология азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 7—11.

⁸⁹ Ворошил Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 15—18; его же. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

азербайджанского языка; в тех же значениях они употреблялись в произведениях классиков азербайджанской литературы. Многие из этих слов с небольшими фонетическими изменениями встречаются и в современном азербайджанском языке (*jüz > üz, dängiz > däniz, geng > gen, tangri > tanrı...*).

3. В закавказских источниках V—X и XI—XIII веков зафиксированы одинаковые формы слов, подобно: *avci, агуу/агуц, агх, gög, аркан, јарипзи, сша, tangri*, а также такие сложные слова, как: *gögjar* 'молния' (букв.: 'неборассекающий'), *tangrixan* 'бог, хан', *eltamya* 'народная тамга', *uluarx* 'большая канава', *ulusu* 'полноводная река', *ilanbalex* 'город Илан', букв.: 'миноги', *qaratikan* 'держи дерево' и десятки других.

4. Уже в VII—XIII веках элементы *-ci/-cy, -lik, -ly, -cug, -ca, -tan/-dan ~ -dän, -lar/-lär* функционировали в азербайджанском языке в качестве словообразовательных и формообразовательных суффиксов.

5. С этого же периода гласные *ä, ö, ü* выступают в качестве фонем азербайджанского языка.

